

На правах рукописи

Клочков Роман Александрович

**ОБРАЗ И РОЛЬ СЛАВЯНСТВА В ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ КОРОЛЕВСТВА СЕРБОВ, ХОРВАТОВ И
СЛОВЕНЦЕВ. 1918-1929 ГОДЫ**

Специальность 5.6.5 – Историография, источниковедение, методы
исторического исследования

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва 2026

Работа выполнена на кафедре зарубежного регионоведения и внешней политики Института международных отношений и политических наук федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (ФГАОУ ВО «РГГУ»)

**Научный
руководитель:**

Романенко Сергей Александрович
доктор исторических наук, доцент

**Официальные
оппоненты:**

Серапионова Елена Павловна
доктор исторических наук, доцент,
федеральное государственное бюджетное учреждение
науки «Институт славяноведения Российской академии
наук», отдел истории славянских народов периода
мировых войн, заведующая отделом

Тихонов Виталий Витальевич
доктор исторических наук, федеральное
государственное бюджетное учреждение науки
«Институт российской истории Российской академии
наук», центр «Историческая наука России», ведущий
научный сотрудник

**Ведущая
организация**

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Московский государственный университет имени
М.В. Ломоносова»

Защита состоится «18» сентября 2026 г. в ____ часов на заседании диссертационного совета 24.2.366.01, созданного на базе федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» по адресу: 125047, г. Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке РГГУ по адресу: 125047, г. Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6, а также на сайте РГГУ по адресу: <https://www.rsuh.ru/dissovet/d-212-198-03/soiskateli/klochkov-roman-aleksandrovich.php>

Автореферат разослан «_____» _____ 2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук, доцент

Барышева Елена Владимировна

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Научная актуальность темы исследования. Эмиграция из России после революции в октябре 1917 г. и Гражданской войны 1917-1923 гг. – значимый и сложный культурно-исторический феномен. Русские эмигранты, обосновавшись за рубежом, сформировали особое интеллектуальное пространство.

Актуальность темы исследования определяется тем, что осмысление представителями русской эмиграции 1920-х гг. прошлого славянских народов и роли России (или ее образа) в Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европе (ЦВиЮВЕ) в контексте славянской идеи, знаменует собой важный этап в истории российского идейно-теоретического наследия и культурного достояния. Изучение сформированных в русской интеллектуальной и политической традиции представлений о славянстве, являвшихся одним из элементов исторической мысли русского зарубежья, позволяет прояснить специфику и динамику осознания и интерпретации развития славянского мира в современных научных дискуссиях как в России, так и за рубежом.

Часть русской послереволюционной эмиграции в силу жизненных обстоятельств оказалась на территории новых славянских государств ЦВиЮВЕ, что совпало с важным этапом в их историческом развитии. Королевство сербов, хорватов и словенцев (КСХС), Чехословакия и Польша¹ возникли в результате Первой мировой войны и распада Российской, Австро-Венгерской, Германской и Османской империй, в процессе становления новой – Версальской системы международных отношений. Противоречия между южнославянскими народами в прошлом, попытки найти общие основы для их сближения (вплоть до объединения в одно государство этнически родственных народов) в контексте разных этапов международной и внутривнутриполитической обстановки – все это оставило неизгладимый след в исторической памяти современных славян ЦВиЮВЕ. Актуальность рассмотрения образов славянства, сложившихся в историческом сознании русского зарубежья состоит в том, что помогает лучше исследовать природу этнонациональных конфликтов, уходящих корнями в прошлое, в современной исторической культуре.

¹ К славянским государствам ЦВиЮВЕ следует отнести и Болгарию, которая провозгласила независимость в 1908 г.

Объект исследования – славянский исторический нарратив в общественно-политической традиции русского зарубежья.

Предмет исследования – представления о славянском мире и перспективах его развития в дискуссиях русских эмигрантов, проживавших в КСХС или имевших с этим государством тесные интеллектуальные и политические связи.

Хронологические рамки исследования: 1918-1929 гг. *Нижняя временная граница* исследования обусловлена началом Гражданской войны в России и образованием в 1918 году независимых славянских государств, в первую очередь КСХС и Чехословакии. Вслед за этим вскоре (в конце 1918 г.) в КСХС стали прибывать русские беженцы.

Выбор *верхней временной границы* исследования – 1929 г. – обусловлен тем, что, к концу 1920-х гг. в КСХС изменились настроения и политическая конъюнктура у различных групп эмигрантов, прежде всего симпатизировавших российской монархии. К этому времени значительно снижается политическая активность многих политико-идеологических течений и организаций, оформившихся еще в предреволюционный период. Кроме того, 6 января 1929 г. в Белграде произошел государственный переворот, одним из последствий которого стало изменение названия страны: 3 октября 1929 г. КСХС превратилось в Королевство Югославия, что отражало трансформацию идеологических основ государственности и трактовки югославизма.

Проблема исследования. В диссертации рассматривается развитие исторических представлений в различных кругах русского зарубежья в контексте создания образов славянского мира. Не только профессиональные историки, но значительная часть образованной части русского общества, публицистов и политиков внесла вклад в формирование славянского исторического нарратива на уровне группового и массового сознания. В связи с этим диссертант исследует различные типы историографических источников (научные, политико-публицистические), отражавшие исторические воззрения русской интеллигенции накануне и в годы эмиграции.

Цель исследования – проанализировать представления о славянстве в общественно-политическом и историческом сознании русского зарубежья в Королевстве СХС – полиэтнической общности, его образе и возможной роли в Европе и регионе ЦВиЮВЕ.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **исследовательские задачи:**

1. Выявить особенности восприятия славянской идеи в представлениях русской общественности в предреволюционный период, в начале XX в.
2. Рассмотреть послереволюционные дискуссии о месте и роли России в славянском мире в контексте осмысления истории славянства.
3. Проанализировать особенности взаимного восприятия русскими эмигрантами и югославянами (сербам, хорватами и словенцами) друг друга в 1920-е гг.
4. Выявить элементы «старой» (дореволюционной) и «новой» (послереволюционной) историографической традиции восприятия славянской идеи и истории славянства, отраженные в сочинениях ученых, политиков и мыслителей русского зарубежья, тесно связанных с их политико-идеологическими воззрениями.
5. Охарактеризовать отражение славянской идеи в исторических взглядах русских монархистов-консерваторов и либералов-конституционалистов, обосновавшихся в КСХС.
6. Исследовать преломление в славянском историческом нарративе социалистов-революционеров идей сотрудничества ПСР (эсеров) в эмиграции на территории КСХС и «славянского мира» с целью распространения идей демократической России.
7. Определить специфику образа славянства в историографии и публицистике новых течений в эмиграции 1920-х гг. – евразийства и сменовеховства.
8. Квалифицировать представления о славянстве как фактор международных отношений в историко-политической мысли русской эмиграции в КСХС.

Теоретико-методологическая основа исследования. Диссертация основывается на принципе историзма, позволяющем рассматривать процессы и явления в развитии, с учетом конкретно-исторической ситуации.

Историко-генетический метод дал возможность проследить эволюцию представлений о славянстве и его образах в русском историческом и политическом сознании.

Историко-сравнительный метод позволил в сопоставлении определить специфику идейных концепций и складывавшихся исторических нарративов в текстах представителей науки, политических и общественных групп.

Применение *историко-типологического метода* помогло распределить сочинения представителей русской эмиграции в соответствии с их идейно-политическими воззрениями.

Для анализа содержания понятий, смежно связанных со славянской идеей, в их историческом развитии автор обращается к *исторической семантике* – направлению, исследующему значения и смыслы исторических дискурсов в контексте социально-политических практик эпохи. В этой области диссертант придерживается подхода немецкой школы истории понятий (Begriffsgeschichte) и методологии Р. Козеллека.

Для корректной интерпретации исторических сочинений и выявления специфики складывавшейся историографической традиции применяется *метод деконструкции источника* – «расслоения» его структур, выявления тех материалов, которые ученые и публицисты привлекали в зависимости от своей мировоззренческой, научной или идейно-политической позиции.

Понятийный аппарат. В диссертации разработан и используется понятийный аппарат: Зарубежная Россия, славянская идея (идеология, система ценностей), славянская взаимность, образ славянства, общеславянское сознание, славянофильство, позитивизм, «русская историческая школа», историческая мысль, историческое сознание, историософия, панславизм, австрославизм, чехословакизм, югославизм, балканизм.

Историографический обзор. В основу анализа историографии положены критерии национальной и этнической принадлежности авторов в сочетании с проблемно-хронологическим принципом. Складывание образов славянства в исторической мысли русских эмигрантов в КСХС ранее не было объектом специального исследования, хотя отдельные стороны темы раскрыты в ряде отечественных и зарубежных работ. Отечественную историографию можно разделить на несколько групп.

Первую группу составляют исследования о соотношении идейных и мировоззренческих элементов во взглядах на славянскую идею в контексте восприятия русским обществом славян ЦВиЮВЕ в дореволюционный период (В.А. Болдин, З.С. Ненашева, О.В. Павленко, С.А. Романенко, И.В. Чуркина).

Особо отметим исследования О.В. Павленко и С.А. Романенко, в которых характеризуется соотношение различных региональных форм славянской идеи.

Во *вторую группу* вошли работы о развитии идейно-теоретических и общественно-политических взглядов историков русского зарубежья, обосновавшихся в славянских странах. До середины 1980-х гг. исследователи придерживались идеологических штампов большевистской публицистики. Однако в 1960-е – 1980-е гг. предприняты первые попытки анализа теоретико-методологических основ творчества историков-эмигрантов: Л.П. Лаптева исследовала наследие слависта В.А. Францева; В.Т. Пашуто одним из первых комплексно подошел к проблеме исторической науки в эмиграции.

Ранний постсоветский период (1990-е гг.) стал переломным: историческая наука освободилась от многих тематических и методологических табу. В.А. Дьяков в статьях и монографии (1993) связал постановку русского вопроса с общеславянским аспектом. М.Ю. Досталь осветила славистические исследования в трудах историков-эмигрантов межвоенного периода. В конце 1990-х – начале 2000-х гг. складывается изучение научной традиции русского зарубежья как особого феномена. Е.И. Пивовар отметил становление новых подходов в исследовании русского зарубежья в последние три десятилетия. А.Н. Горяинов обозначил проблему совместной деятельности славян и эмигрантов в контексте дискуссий о славянской идее. М.А. Робинсон показал роль русских славистов в восстановлении и создании новых связей в европейском славистическом сообществе. Однако, несмотря на возросший интерес к отдельным сторонам рассматриваемой нами проблематики со стороны выше обозначенных исследователей, большинство работ было посвящено лишь представителям русской славистической науки.

Современные исследователи (М.Г. Вандалковская, В.П. Корзун, М.В. Ковалев, С.И. Михальченко, В.И. Цепилова) рассматривают различные вопросы становления исторической науки в эмиграции. В.В. Тихонов изучает советскую историографию 1920–1930-х гг. как часть идейного вклада в социально-политические проекты, акцентируя внимание на эволюции великодержавного дискурса. М.Ю. Сорокина аргументирует тезис об интенсивном развитии славистики в Европе после Первой мировой войны и участия в этом процессе русских эмигрантов. Л.П. Репина исследует развитие

исторического знания в Западной Европе и России в конце XIX – начале XX в. и в 1920-е гг.

Третья группа – работы, посвященные развитию идейно-политической мысли русского зарубежья в славянских странах. Одной из первых здесь стали публикации В.Д. Козлитина (1992, 1996) о складывании общественно-политической традиции эмигрантов в КСХС. А.И. Доронченков (2001) показал соотношение национального вопроса и национального чувства в переосмыслении эмиграции. Эволюцию взглядов эсеров освещают монография А.В. Ганина о деятельности в Белграде Ф.Е. Махина и В.И. Лебедева и работы А.Ю. Суслова о возрождении панславистской концепции в размышлениях В.М. Чернова. Различные аспекты идеологии кадетов рассмотрены И.Е. Воронковой и В.В. Шелохаевым, а издательские органы русского зарубежья по политико-идеологической принадлежности сопоставлены П.Н. Базановым. В целом в отечественной историографии вопросам развития славянской идеи в плоскости историко-публицистической и политической рефлексии представителей русского зарубежья уделялось мало внимания.

В четвертую группу входят труды, посвященные теме осмысления эмигрантами идеи славянской взаимности. Е.П. Аксенова на примере сочинений А.А. Башмакова выявила тенденцию переосмысления представлений о славянской взаимности. Е.П. Серапионова показала, что эмигранты, в том числе и на территории КСХС, внимательно следили за полемикой о «славянском» и «русском» вопросах в Чехословакии (К. Крамарж, с одной стороны, Т. Масарик и Э. Бенеш – с другой). С.И. Скороходова рассмотрела культурную деятельность эмигрантов в контексте русско-сербского диалога. В.И. Косик поставил вопрос о значении славянской темы для публицистики зарубежья в КСХС. С.А. Романенко проанализировал роль русской эмиграции в судьбе идеи общеславянского сближения и установлении отношений между СССР и КСХС. Взгляды евразийцев на славянство проанализированы в исследованиях Э.Г. Задорожнюк (критическое отношение к панславизму при учете реального совместного проживания славянских и неславянских народов) и В.Я. Пашенко (заполнение «идеологического вакуума» 1920-х гг.).

Зарубежная историография затрагивает отдельные стороны проблематики. В *историографии США* выделяются работы А. Коэна о

мемориализации Первой мировой войны; М. Раева о вкладе русской эмиграции в культуру; Н.В. Рязановского о зарождении евразийства. В болгарской историографии Р. Русев затронул проблему переосмысления славянской идеи в русском зарубежье. В *германской историографии*: анализ политических групп русского зарубежья принадлежит перу Г. фон Римши: трансформация идейных воззрений русских эмигрантов в трудах Л. Люкса; славянская идея в разных плоскостях проанализирована в работах Я. Берендса, однако при этом историк мало внимания уделил взглядам русской эмиграции на славянскую идею. В сербской историографии – глубокое исследование взаимного восприятия эмигрантами и представителями общества КСХС друг друга в монографии М. Йовановича; работы А.Б. Арсеньева и А.Ю. Тимофеева о культурной и общественно-политической деятельности русского зарубежья. В *хорватской историографии* – сюжеты социально-политической обстановки 1920-х гг. в КСХС у Д. Биланджича и Х. Матковича. В *словенской историографии* – А. Бенедейчич рассуждает о славянской идее как факторе международных отношений. В *чешской историографии* выделяются монография Й. Колейки и работы Р. Влчека об эволюции славянской идеи и ее роли в политических проектах.

Таким образом, в отечественной и зарубежной историографии за последние сто лет вышли в свет исследования, посвященные актуальным аспектам отношений русских послереволюционных эмигрантов к теме славянства и славянской идее. В опубликованных работах намечены перспективы дальнейшего изучения истории межславянских отношений. В диссертации дополнены выводы исследователей-предшественников.

Источниковая база исследования. Для решения задач изучены архивные и опубликованные источники разной видовой принадлежности; их разнообразие позволяет разносторонне выявить исторические представления как профессиональных историков, так и публицистов, и общественных деятелей.

Делопроизводственные документы (докладные записки, переписка, указы делегациям, программы и воззвания из фондов ГА РФ) раскрывают нюансы эволюции взглядов на славянство в исторических представлениях политиков и ученых, работавших в различных учреждениях.

Дипломатические документы («Документы внешней политики СССР», “Balkanski ugovorni odnosi”, “Britanci o kraljevini Jugoslaviji”) дополняют картину, позволяя оценить пересечение политической и исторической мысли в контексте оценок международной ситуации 1920-х гг.

Документы политических партий (неопубликованные материалы ГА РФ и оцифрованного архива ИСН, а также опубликованные – в сборниках серии «Политические партии России», издательство РОССПЭН) показывают, что славянская проблематика была частью исторического сознания разных общественно-политических и идейно-теоретических групп русского зарубежья.

Научные работы историков 1920-х гг. рассматриваются в качестве источника, непосредственно демонстрируя особенности преломления славянской темы в русской историографии и историческом сознании изучаемого периода. Рассмотрены труды историков дореволюционного периода К.Я. Грота, А.Л. Погодина, Н.В. Ястребова; исторические очерки А. Елачича, работы П.Н. Бицилли и А.В. Флоровского освещают проблемы исторического познания, вызывавшие живой интерес в среде русского зарубежья.

В публицистике отразились тенденции восприятия исторических событий и исторической памяти, при этом материалы публицистики требуют тщательной верификации. Идейно-теоретическое влияние на последующие дискуссии 1920-х гг. оказали дореволюционные труды И.С. Аксакова, Н.А. Бердяева, Н.Я. Данилевского, В.М. Чернова. Изучены статьи А.А. Башмакова, А.В. Васильева, Л.П. Лобова, В.А. Маклакова, П.Н. Милюкова, В.А. Мякотина, Е.А. Ефимовского, А.С. Изгоева, Е.В. Спекторского, П.Б. Струве, Н.А. Фиркса, А.Л. Погодина, Н.В. Ястребова. Специфика евразийских суждений – в книге «Исход к Востоку» (София, 1921); ценны заметки П.Б. Струве в «Дневнике политика» (2004) и сборник публицистики П.Н. Милюкова (2012), доклады (ГА РФ, Ф. Р6230), статьи в британском журнале “The Slavonic Review” (П.Н. Милюков, В.В. Зеньковский, С. Бобчев), труды К. Крамаржа и Т.Г. Масарика. Публицистика КСХС – работы Р. Кошутича («Ступени», “Просветни гласник”) и Й. Цвиича (“Српски књижевни гласник”).

Периодическая печать. Дореволюционные издания («Славянские известия», «Биржевые ведомости», «Вестник Европы», «Речь», «Русское богатство») дополняют картину складывавшихся представлений о славянстве. Критический взгляд на славянскую идею представлен в публикациях в

советской газете «Известия» (номера за 1923 г.) Рост интереса к общеславянской проблематике и развитие исторического сознания эмигрантов отражены в газетах и журналах: «Вера и верность», «Новое время», «Русский военный вестник», «Возрождение», «Русская мысль», «Последние новости», «Руль», «Дни», «Воля России»; привлекались «Оповещение Центра законопослушных в Ч.С.Р.» (ГА РФ), «Накануне», «Новая Россия». Статьи в периодике КСХС «Време», «Застава» и «Nova Evropa».

Источники личного происхождения представлены письмами А.В. Васильева, В.А. Маклакова и Б.А. Бахметева, перепиской М. Московлевича с Е.К. Брешко-Брешковской, мемуарами и дневниками С.Д. Сазонова, Е.В. Спекторского, М.В. Агапова, П.Н. Милюкова, М. Московлевича, В.М. Пуришкевича, А.В. Тырковой-Вильямс, С. Прибичевича. Эти источники позволяют выявить не раскрытые в научных сочинениях особенности складывания исторических представлений и мировоззренческих установок рассматриваемых деятелей.

Научная новизна исследования. На основе ранее не использованных материалов исследован феномен конструирования истории развития славянской идеи в контексте представлений о славянстве различных идейно-политических течений русского зарубежья как составляющих историографической традиции. Показано, что их отличает сочетание различных идеологических подходов и значительное влияние российской политической традиции предреволюционного, революционного и постреволюционного (1918-1920-е гг.) времени, субъективизма авторов при интерпретации исторических событий и современных им процессов.

Впервые проанализированы особенности развития взглядов на славянство на основе сравнения подходов к славянской идее, выработанных как русскими эмигрантами, так и интеллектуалами и политиками славянских стран ЦВиЮВЕ, в первую очередь КСХС. Основное внимание уделено рассмотрению специфики восприятия феномена славянства в реалиях трансформации пространств прежних империй (России и Австро-Венгрии) и этнополитических процессов в ЦВиЮВЕ в 1920-е гг.

Предпринята новая попытка воссоздать картину видения историками и политиками происходивших внешнеполитических процессов – складывания региональной системы безопасности, образования военно-политических

блоков, в частности Малой Антанты. Проанализированы связанные со славянской тематикой источники и литература и выявлены новые оценки состояния международных отношений в Европе в 1920-е годы.

На впервые введенных диссертантом в научный оборот архивных материалах из ГА РФ и оцифрованного фонда ПСР в архиве Международного института социальной истории в Амстердаме (IISH), была документально подтверждена тесная взаимосвязь русской общественно-политической мысли со славянской тематикой, что отразилось в деятельности общественных и политических организаций русских эмигрантов, действовавших на территории КСХС: Общества славянской взаимности в Белграде, Белградского отделения Земгора (представленного эсерами), монархических сообществ и периодических изданий, поддерживавших великого князя Кирилла Владимировича.

Положения, выносимые на защиту:

1. Произведения исторического характера, в которых, в зависимости от идейно-политических установок авторов (либералов, консерваторов, социалистов), выстраивалась своеобразная цепь фактов – событий и процессов, связанных с историей славянских народов, отражали развитие исторической и политической мысли предреволюционной России. Создававшиеся в них образы славянства, дополняя выводы из работ научного исторического формата, расширяли славянский исторический нарратив.

2. Революции и революционный процесс 1917 г., а также Гражданская война в России, отразившись на историческом сознании русского общества, двояко повлияли на развитие взглядов на славянскую проблематику. С одной стороны, эти события подорвали «славянолюбивые» настроения, породив пессимизм относительно будущего славянской идеи даже среди историков-славистов. С другой стороны, к традиции оценки перспектив развития славянства, заложенной в славянофильской концепции, обращались представители Белого движения в России и за границей, оценивая события и процессы в ЦВиЮВЕ в контексте абсолютизированной идеи славянской взаимности.

3. Русская эмиграция в славянские страны 1918-1920-х гг., в особенности в Королевстве СХС, являла собой особый феномен в развитии славянской идеи как в истории взаимоотношений между представителями славянских народов,

так и в культурных и политических реалиях первого послевоенного десятилетия. Сложная психоэмоциональная атмосфера, в которой оказались русские эмигранты, подталкивала к теоретико-методологическим поискам. Высказывались претензии к недостаточности позитивистской методологии, ее эмпирической «сухости», уходу от духовно-нравственного «ощущения» исторического процесса и современности. На исторические сочинения некоторых эмигрантов оказали влияние представления, в основе которых лежал «нравственный критерий» в оценке истории, особенно ярко проявившийся в конструировании образа славянского мира.

4. Несмотря на то, что в России были разрушены традиционные ценностно-идеологические основы, связанные с образом ориентированного на славянство Российского имперского государства, в новых условиях русские эмигранты представляли себя в рамках феномена «Зарубежная Россия». Они задумались о новой возможности по-настоящему «познать» славянский мир через непосредственное общение и взаимодействие с представителями и властями зарубежных независимых славянских государств. Традиционные представления о славянстве продолжали играть роль в формировании исторических нарративов эмигрантов и их оценок положения славянства после 1918 г. Представители русского зарубежья были вынуждены адаптировать идейно-теоретическое содержание своих трактовок славянской идеи к реалиям новой эпохи и контексту этнополитического самоопределения славян ЦВиЮВЕ после 1918 г. – «возрожденного» славянства.

5. В среде русской эмиграции вопросы, связанные с судьбой и перспективами развития славянства, привлекали внимание не только профессиональных историков, но и лиц, не имевших исторического образования. Это привело к формированию специфических подходов при анализе прошлого и настоящего славянской идеи. Эти подходы сочетали элементы консервативной, либеральной и социалистической идеологии при анализе прошлого и настоящего славянства и славянской идеи. История славянства, отношений между отдельными славянскими народами, их национальными движениями и Российской империей служила обоснованием политических проектов различных течений в русской эмиграции, направленных на устранение в России большевистского режима.

6. Политики и ученые русского зарубежья, представлявшие сложившиеся до революции идейно-политические течения, дополняли и расширяли свое понимание славянской идеи в новых реалиях. Их суждения отражали специфику исторической мысли русского зарубежья. В этом процессе важное значение имел «русский вопрос» – обсуждение возможных перспектив российской государственности: от восстановления монархии и империи в консервативно-монархическом варианте до концептов «демократической России», развиваемых либералами-конституционалистами и социалистами-эсерами. В то же время взгляды и представления русских эмигрантов дополняли дискуссии о славянстве в послевоенной Европе.

7. Представители сменовеховства и евразийства, находясь на разных идейно-политических позициях, уходили от идеализации и абсолютизации фактора славянской солидарности. Жестко критикуя консервативных сторонников российской монархии, сменовеховцы выстраивали славянский исторический нарратив, связывая его с современными им событиями и процессами, фокусировались на факторе Советской России, воспринимаемой как альтернативу Франции, подчеркивая значимость ее внешней политики в ЦВиЮВЕ. Евразийцы критически переосмыслили славянофильскую историографическую традицию, ориентированную на конструирование национальной специфики прошлого России в тесной связи с идеализированным образом славянства.

8. Несмотря на возросший интерес ученых-историков, мыслителей и политиков, представлявших в КСХС русскую эмиграцию, к славянской идее, эта идея в сознании общественности и политических деятелей славянских государств ЦВиЮВЕ в 1920-е гг. не приобрела статус ведущей идеологической концепции. Общеславянское самосознание не могло преодолеть сопротивление «этнонационального эгоизма», характерного для каждого из славянских народов. Несмотря на попытки трактовать значимость славянской идеи в контексте организации механизмов обеспечения безопасности в ЦВиЮВЕ (на примере Малой Антанты) славянство так и не оформилось как идейное и геополитическое единство и не выступало как единая сила на уровне международных отношений.

Практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы в практике высшей школы при чтении общих и специальных

курсов по истории международных отношений и внешней политики Нового и Новейшего времени; истории региона ЦВиЮВЕ, славянских народов, а также истории русского общественного движения в странах ЦВиЮВЕ, внешней политики Советского государства и его отношений с КСХС.

Апробация результатов диссертационного исследования – его методологии, основных положений и выводов состоялась в ходе изложения докладов на конференциях, проводившихся факультетом международных отношений Института международных отношений и политических наук РГГУ – «Анализ глобальных и региональных процессов: новые подходы и исследовательские практики» в 2022-2023-х гг.

Основные положения и выводы диссертации обсуждены на заседаниях кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики факультета международных отношений Института международных отношений и политических наук РГГУ. Основные идеи и результаты изложены в научных статьях, опубликованных в журналах, рекомендованных ВАК, в количестве 3.

Структура работы соответствует проблемно-хронологическому подходу исследования, его целям и задачам. Диссертация состоит из введения, трех глав, разделенных на параграфы, заключения, списка использованных источников и литературы.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы, определяются объект и предмет исследования, цель и основные задачи, аргументируются научная новизна работы, ее хронологические рамки, дается характеристика источниковой базы, определяется степень изученности избранной темы, ее теоретическая и практическая значимость, обосновывается понятийный аппарат исследования, формулируются положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Славянство в историческом сознании русской интеллигенции накануне эмиграции» – выявлены особенности эволюции славянской идеи, ее образов, специфические черты складывавшихся исторических нарративов.

В первом параграфе представлена характеристика важнейших компонентов славянских исторических нарративов в России накануне 1917 года

и их значения для становления традиции восприятия славянства, различных интерпретаций славянской идеи в интеллектуальном и политическом наследии русской эмиграции. Выявлены ключевые проблемные области, пересечения разных точек зрения: толкование категорий «возрождение» и «перерождение», а также концепции «Великая Россия» применительно к дискуссиям о русском национальном и общеславянском сознании.

Во *втором параграфе* проанализированы воззрения на славянство в рамках идейно-теоретических основ подходов представителей крупнейших социально-политических течений в России. Конституционные демократы связывали содержание славянской идеи с категориями культурного прогресса и либеральных ценностей. Крайне правые консерваторы дискутировали о славянстве сквозь призму триады «православие, самодержавие, народность». Эсеры, для которых славянский вопрос не был приоритетным, рассматривали возможность «славянской федерации», предполагая федерализацию государств с последующим объединением в широкую «федеративную общечеловеческую кооперацию» для гарантии культурного развития народов. Сделан вывод о том, что обращения к проблематике общеславянского сознания в контексте переосмысления основ русского национального самосознания и внешнеполитических задач России получили новый толчок, помимо прочего, и в связи с кризисом «жизненных основ» российской государственности, поиском путей выхода из него. Восприятие событий и процессов, затронувших славянские народы, складывалось под влиянием как общественно-политических процессов внутри России, так и методологического кризиса в российской исторической науке.

В *третьем параграфе* рассматривается отражение революционных событий Февраля и Октября 1917 г. и Гражданской войны в славянском историческом нарративе русских ученых и политиков. Выявляются тенденции развития в их исторической мысли представлений о месте и роли России в славянском мире. В контексте свершившихся событий и наметившихся процессов происходила трансформация славянской идеи. После Февральской революции ожидания зарубежных славян в отношении России по решению национально-политического вопроса в Юго-Восточной и Центрально-Восточной Европе пошатнулись. Октябрьская революция и вовсе вызвала серьезное беспокойство у политических элит славянских стран, особенно

Сербии. Славянская идея в период Гражданской войны продолжала играть важную роль в риторике представителей антибольшевистских сил. Образы славянства представителей Белого движения коррелировали со стремлением к поддержке государственно- и национально-политически самоопределившихся славянских народов как приоритетной задачи. В то же время, ожидалась помощь от зарубежных славян в борьбе с большевиками. Чехословацкие лидеры (Т.Г. Масарик и Э. Бенеш), а также политическая элита КСХС, стали ориентироваться на страны Антанты, прежде всего на Францию.

В *четвертом параграфе* выяснены основные особенности восприятия значительной частью прибывших русских эмигрантов КСХС. Оно представлялось им близким по духу государство, особенно в образе его сербской части. Первичные представления друг о друге формировались на основе исторических стереотипов, культурно, конфессионально и социально фиксированных образов. Консерваторы-монархисты рекомендовали русскому эмигрантскому обществу рассматривать основы отношений с югославянским населением как принципиально новый этап в развитии связей между славянами. Схожие оценки распространились и в текстах некоторых эсеров и кадетов. Эти суждения, отражая современную эмигрантам социокультурную и политическую реальность, оказали влияние и на историографическую традицию восприятия славянской идеи и славянства. На восприятие русских беженцев народами КСХС влияли особенности исторической памяти, оценки событий недавнего прошлого – Первой мировой войны. После 1917 г. образ России как «защитницы славянства» подвергся испытанию на прочность – часть русского общества вынуждена была искать приют в качестве беженцев.

Вторая глава – «Славянская тема в исторической мысли политических кругов русского зарубежья в КСХС: противостояние консерваторов-монархистов, либералов-конституционалистов и эсеров-республиканцев» – посвящена проблеме переосмысления образов славянства в рамках рефлексии различных идейных течений эмигрантов.

Первый параграф посвящен исследованию процесса поляризации представлений о славянстве в русском зарубежье: в конфликте «консервативного» и «либерального» подходов к оценке славянства. Среди консерваторов – сторонников «национальной России» – славянство идеализировалось и абсолютизировалось; эта общность нередко

противопоставлялась западноевропейским государствам, в том числе и на духовно-ценностном уровне. Однако не все консерваторы исключали славянство из рамок Европейского пространства, упоминая лишь идею славянофилов о духовно-нравственном кризисе Запада, но не отрицая связей с ним. Первая мировая война переосмысливалась в контексте поиска «исторической справедливости» для России, создавался «героический» нарратив «Славянской войны».

Конституционные демократы четко разграничивали национальное чувство и национализм, осуждая шовинизм. Вместе с эсерами они отвергали идею славянской исключительности, которая активно разрабатывалась в консервативных кругах. Левые либералы, обращавшиеся к исторической проблематике славянского вопроса, критически относились к панславизму. Они опасались теорий славянского превосходства, империализма, мессианских амбиций и антизападных тенденций в славянской идее. Среди авторов, принадлежавших к левому крылу кадетской партии, различали «воинственный» или «империалистический» панславизм (с негативным оттенком) и панславизм в широком этнокультурном смысле.

Оставался актуальным вопрос о составе «славянского мира», его идейных и ценностных основах, на фоне разгоравшихся противоречий между славянскими народами (например, между сербами и хорватами, сербами и болгарами). Публицисты (в газете «Застава», Нови Сад, «Време» в Белграде, журнале «Нова Европа» в Загребе) и ученые КСХС придерживались различных оценок славянской идеи в целом и ее региональной разновидности – интегрального югославизма. От пропаганды идеологии югославизма (Р. Кошутич, Й. Цвийич), в том числе и как части более широкой общеславянской идеи, до ее критики (в некоторых публикациях в газете «Застава»). В полемике между К. Крамаржем и Э. Бенешем / Т. Масариком обсуждалась роль России в славянском мире и перспективы ее будущего. Идеи Т.Г. Масарика находили отклик среди общественности КСХС. В рамках его концепции прослеживалась параллель между «единым трехименным народом» (сербы, хорваты, словенцы) в КСХС и чехословацким (чехи, словаки) народом.

Во втором параграфе рассматривается преломление славянской темы в политической мысли и в сконструированных авторами-монархистами исторических нарративах. Монархисты, составлявшие значительную часть

эмиграции, были разделены в своей поддержке претендентов на престол – великих князей Николая Николаевича и Кирилла Владимировича. Сторонники великих князей Кирилла Владимировича и Николая Николаевича создавали свои организации и группировки также и на территории КСХС, вели активную пропаганду, стараясь заручиться поддержкой как в эмигрантской среде, так и в правительственных кругах КСХС.

Монархисты, в целом, видели в славянских странах естественных союзников в борьбе с большевизмом и в деле восстановления России. Однако и они переосмысливали славянскую идею в свете происходивших в ЦВиЮВЕ процессов: наступало разочарование, прежде всего, в западных славянах. В то же время «южнославянскому королевству» – КСХС – отводилась роль «колыбели новой русской государственности» и возможного «последнего оплота» русской державности. Факт убийства Николая II и его семьи становились частью создававшегося культа памяти, который, наряду с темой ценностно-нравственной значимости православия в историческом контексте, был включен в славянский исторический нарратив. Непрофессиональные историки в своих сочинениях пытались дополнить выводы академической историографии, складывавшие исторический нарратив. Тем самым отражалась консервативно-монархическая традиция во взгляде на историю славянства и славянской идеи.

В третьем параграфе проанализирована публицистика эсеровских авторов, затрагивавшая славянскую проблематику. Ряд эмигрантов, не являясь профессиональными историками, тем не менее, выступали в качестве интерпретаторов славянской проблематики и формировали «революционно-демократическую» модель истории славянской идеи в массовом сознании. Среди них, в частности, можно отметить эсеров В.А. Лебедева, Ф.Е. Махина, Б.М. Соколова. Анализ публикаций 1920-х гг. того времени выявляет смешение понятий и неоднозначное определение терминов, связанных со славянской проблематикой. Критикуя «националистических шовинистов», эсеры приравнивали панславизм к пангерманизму, рассматривая их как «расовые или национальные утопии мирового господства», служащие интересам империализма. С точки зрения эсеров, единение славянства не должно было приводить к созданию замкнутой и самодостаточной культуры, противопоставляющей себя остальному миру. Образ «демократического

государства», образцом которого была избрана ЧСР, в социально ориентированных текстах связывался эсерами также и с КСХС. Вместе с тем, они высказывали мнение о том, что «единение славянского мира» не представляется возможным без существования «демократической» России.

Четвертый параграф посвящен преломлению представлений о славянстве в газетных и журнальных статьях авторов-сменовеховцев («Накануне», «Новая Россия»). Выражая симпатии Советской власти, они в целом критически относились к идеализации славянской солидарности и «абстрактного славянства». Сменовеховцы, остро полемизируя со всеми эмигрантами – противниками советской власти, и их воззрениями на славянство в целом, с большим скепсисом допускали мысль о федерации славянских государств. С большим скепсисом оценивая мысль об умозрительной славянской федерации, сменовеховцы отделяли определение «славянской» от обновленной политики новой России, положительно оценивая внешнюю политику Советской России (с 30 декабря 1922 г. – СССР) в рамках «нового этапа» международных отношений. Евразийцы отстаивали идею России как самобытной цивилизации – Евразии. Критическому переосмыслению евразийцами подверглись исторические нарративы, основанные на славянофильском подходе, в рамках которого создавался идеализированный образ славянства. Этот подход, став частью консервативной традиции осмысления исторического процесса, был ориентирован на конструирование национальной специфики прошлого России в тесной связи с образом славянства. Авторы-евразийцы были с этим не согласны. Зарубежные славяне (в особенности западные, но так же и южные), по мнению евразийцев, в частности Н.С. Трубецкого, в плоскости культурно-цивилизационной и ценностной значительно тяготели к «романо-германскому Западу».

Глава третья – «Славянство и исторические воззрения представителей русского зарубежья в контексте международной ситуации 1920-х гг.».

В первом параграфе проанализирован процесс осмысления русскими историками славянской проблематики в рамках исторической и общественной мысли русского зарубежья в контексте оценок событий международной жизни. Представлены взгляды ученых различных взглядов и направлений и их интерпретации славянской идеи и роли России в славянском мире в статьях и заметках на странице периодики. В 1920-е гг. обострились дискуссии среди

философов и историков о теоретико-методологических основах исторических исследований в рамках обсуждения «кризиса» позитивизма. Суждениям сторонников позитивизма и критического метода противопоставлялся подход, сутью которого являлась абсолютизация «нравственного критерия» при оценке исторических событий. Эта тенденция прослеживается в сочинениях, затрагивающих историю славянства. Революция и эмиграция повлияли на отношение ученых к славянству, изменению политико-идеологических воззрений. Выявлена проблематика смешения политики и науки в произведениях научно-публицистического формата. Продолжалось переосмысление «мессианской» роли России в славянском мире, связанное с разочарованием в том, что другие славянские народы не поддержали Россию в сложный период.

Второй параграф посвящен исследованию отражения образа Малой Антанты в сознании русских эмигрантов. Этот образ значительная часть авторов, вне зависимости от политических убеждений (за исключением переосмысливавших исторический процесс Русского государства сменовеховцев и евразийцев), оценивала как потенциальный «славянский союз». Однако этот аспект был неоднозначным из-за участия Румынии и влияния Франции. Внешнеполитическая целесообразность той или иной национальной (государственной) стороны часто преобладала над более «абстрактной» славянской солидарностью. В некоторых европейских странах, в особенности в британских и румынских кругах, славянский компонент военно-политического союза в ЦВиЮВЕ вызывал опасения.

В то же время большевистское руководство Советской России и РКП(б)/ВКП(б) через Коминтерн разрабатывала планы, целью которых было разрушение устоев Версальской системы. Для этого советские дипломаты всячески старались подчеркнуть слабость Малой Антанты как детища Франции и «империализма» «буржуазных» государств. Восприятие советско-польского конфликта (Советско-польская война 1910-1921 гг.) в среде русской эмиграции было двойственным: с одной стороны, Польша – противник большевизма, с другой – Россия (даже большевистская) – в борьбе со славянской Польшей все же оставалась защитницей национальных интересов перед лицом внешней угрозы.

В **Заключении** автор подводит итоги исследования и приходит к следующим выводам:

До 1917 года в России важным составляющим славянского исторического нарратива в текстах была мысль о перспективах «обновления» русского национального самосознания как общеславянского. Образы славянства в исторической мысли представителей русской общественности складывались в контексте внешних (обострение отношений с Австро-Венгрией и Германией, последующая Первая мировая война, попытка найти основу культурных, духовно-нравственных и политических отношений с зарубежными славянами) и внутренних (социально-политический кризис и его осмысление, политическое противостояние партий) проблем.

Консерваторы-славянофилы видели исторически предопределенную всеславянскую миссию России, основанную не только на государственной, но и на нравственной гегемонии. Представления о славянской идее в дискуссиях крайне правых коррелировали с их мировоззренческими устоями, абсолютизацией традиций Российской империи и монархии. Взгляды конституционалистов-либералов колебались от оценок в духе славянофильства до прагматичных суждений о национальных интересах. В созданных ими текстах проявлялись элементы не оформившейся в единую концепцию «новой славянской идеи», основанной на категориях прогресса и либеральных ценностей. Социалисты-революционеры, в частности В.М. Чернов, рассматривали славянскую идею в рамках «истинного интернационализма», предполагая федеративное переустройство славянских государств как одной из ступеней к «федеративной общечеловеческой кооперации». Эти размышления впоследствии нашли отражение и в сочинениях русских эмигрантов, однако с учётом необходимой адаптации в совершенно иных политических и международных реалиях.

«Славянский фактор», который можно трактовать как стремление сторонников Белого движения сблизить славянские народы в антибольшевистском движении, оценивался в качестве возможного средства борьбы с большевизмом во внешнеполитическом курсе Белых правительств в годы Гражданской войны. Традиционные представления о славянстве, продолжая оставаться частью исторического сознания русской общественности, преломлялись в свете новых событий. Предвидя смещение

геополитического центра тяжести на Восток (после поражения Германии, Австро-Венгрии и Османской империи, а также усиления позиций США и Японии), выражалась надежда на возможность воспользоваться ситуацией для укрепления позиций России на Балканах и среди западных славян. Однако в силу своей неустойчивости Белые правительства не были готовы активно влиять на судьбу славянских народов в Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европе (ЦВиЮВЕ). Сочинения на славянскую тему политиков и публицистов антибольшевистской направленности в это время отражали противоречивые оценки понятия «славянское братство», содержавшие как пессимизм, так и оптимизм в ожиданиях поддержки со стороны новых славянских государств.

В 1920-е гг. русская антибольшевистская эмиграция, нашедшая приют в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (КСХС), внесла значительный вклад в переосмысление славянской идеи и развитие межславянских отношений в контексте развития исторической мысли русского зарубежья. После большевистской революции в октябре 1917 года и разрушения традиционной роли России как центра славянского мира, русские интеллектуалы и политические деятели получили уникальную возможность непосредственно самим соприкоснуться со славянским миром через личное взаимодействие с его представителями в КСХС. Отношение к русским беженцам было неоднозначным и обуславливалось политико-идеологическими и историческими факторами, социокультурными различиями и памятью о Первой мировой войне. Проявился психоэмоциональный надлом мироощущения эмигрантов. В противовес позитивистской методологии многие историко-публицистические сочинения русских эмигрантов, посвящённые славянской тематике, формировались под воздействием концепций, ориентированных на оценки событий истории через категории нравственности и исторической справедливости.

В консервативной традиции историописания эмигрантов, идея русско-славянской культурной общности, обоснованная славянофилами, была переосмыслена в новых реалиях – в качестве одной из идейных основ для «возрождения России» и освобождения ее от большевизма как «еврейско-азиатского режима», отрицавшего, по мнению консерваторов, чувство славянской общности. Дискуссии о славянстве были включены в контекст

полемики многих представителей консервативной и либеральной мысли с евразийцами, которые преуменьшали ценность фактора славянской общности. «Габсбургское наследие» и факт рецепции «западных ценностей» славянами, ранее входившими в Австро-Венгрию, рассматривались как важный фактор, который было необходимо понимать и учитывать в будущих (предполагаемых) отношениях России со славянами ЦВиЮВЕ.

Славянская проблематика рассматривалась не только профессиональными историками, но также политиками и мыслителями различной идейно-политической ориентации. Эти проблемы анализировались в исторической ретроспективе и пересекались с оценками современности. Создавая социально ориентированные исторические тексты, политики и публицисты формировали свою модель истории развития славянской идеи с ее спецификой, коррелировавшей с выражаемыми ими идейно-политическими предпочтениями. В связи с этим целенаправленно подбирались источники, факты, на которых акцентировалось внимание; складывались схемы описания прошлого, соответствовавшие интересам той или иной идейно-политической группы.

Идеологи монархического толка – как сторонники легитимности правления великого князя Кирилла Владимировича, так и сторонники великого князя Николая Николаевича, обращаясь к историческим сюжетам, акцентировали внимание на исторически сложившейся традиции русской самодержавной монархии, заключавшейся, по их мнению, в «братском отношении» к славянам. В их сочинениях подчеркивалось, что эта «историческая традиция» сохранялась в воззрениях Николая Николаевича, а также была продолжена в политическом курсе самопровозглашенного императора Кирилла I.

Либералы-конституционалисты, обращаясь к славянской теме, продолжали выявлять различия и взаимосвязи между терминами «национальный» и «националистический», подчеркивая разницу между умеренным патриотизмом и шовинизмом. Левые кадеты, подобно эсерам, критиковали концепцию самобытности славянства, которая разрабатывалась в консервативном течении русской эмиграции. В их произведениях подчеркивалась необходимость очищения славянской идеи от любых теорий

славянской гегемонии, от мессианских представлений о «духовно-ценностном» преображении Европы славянами.

Социалисты-революционеры, критикуя в своих произведениях «имперско-самодержавную» модель панславизма, противопоставляли ему идею «всеславянского единения» в рамках демократической федерации как этапа к всемирному «союзу народов» на демократической основе. Они осуждали панславизм как «расовую утопию», приравнивая его к пангерманизму и считая инструментом самодержавного империализма, абсолютизируя важность фактора существования демократической России для подлинного единения славянства.

Сменовеховцы рассматривали славянскую идею в тесной связи с вопросами о перспективах развития Советской России/СССР и ее внешней политики. Они критиковали идеализацию славянской солидарности и «русско-славянский империализм», характерный, по их мнению, для консервативных кругов эмиграции, симпатизировавших прежней «славянской политике» царской России. Сменовеховцы считали, что «старому» славянофильству нет места в новой советской политике, но признавали за Россией ключевую роль в международных отношениях в ЦВиЮВЕ.

Евразийцы в целом относились к славянофильству и панславизму критически, стремясь к более широкому, евразийскому взгляду на Россию как на самобытную цивилизацию, объединяющую народы Восточной Европы и Азии. Эта идея находила поддержку в одних консервативных кругах, но вызывала споры и критику со стороны других кругов, приверженных идеям славянофильства, но при этом видевших в славянах часть европейской культуры. «Разочарование» в славянской идее подталкивало евразийцев к поиску более широкой идентичности в рамках пространства России. Исторический подход, в рамках которого создавалась традиция восприятия национального прошлого России в тесной связи с идеализированным образом славянства, вызывал возражения у авторов-евразийцев.

Русские эмигранты предпринимали попытки интерпретировать замысел создания Малой Антанты как шаг к «межславянскому сотрудничеству» в рамках создававшегося славянского исторического нарратива. Создание Малой Антанты положительно рассматривалось эмигрантами как способ предотвратить угрозы, возникшие после распада Австро-Венгрии (возвращения

императора Карла на венгерский престол, угроза деятельности Коминтерна), и обеспечить экономическое сближение между новыми славянскими государствами в ЦВиЮВЕ. Призывы эмигрантов к политическим элитам славянских стран избегать сближения с большевистской Россией не соответствовали реальным интересам этих суверенных государств. В конечном счете, славянская идея не смогла преодолеть как узкие национально-политические программы новых славянских государств, так и этнонациональную психологию и идеологию каждого славянского народа.

Основные положения и научные результаты диссертационного исследования отражены в следующих работах:

Работы, опубликованные в научных изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки РФ:

1. Ключков Р.А. Славянская идея и ее формы в публицистике представителей Русского Зарубежья в 1920-е гг. // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. № 11(2). С. 263-273. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.8>
2. Ключков Р. А. «Демократическая Россия» и «славянский мир»: некоторые аспекты деятельности российских эсеров в Королевстве сербов, хорватов и словенцев в 1920-е гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2024. Т.15. Выпуск 12 (146). Часть II. URL: <https://history.jes.su/s207987840033906-5-1/>. DOI: 10.18254/S207987840033906-5
3. Ключков Р.А. «Славянский фактор» в истории международных отношений в Европе XIX–XX вв.: историография вопроса // Вестник РГГУ. Серия “Политология. История. Международные отношения”. 2024. № (6). С. 202-214. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-6-202-214